

Время, когда улыбается лотос

Достоевский и китайские мудрецы

OCR Бычков М. Н.

"Сон -- ворота в другой мир",-- полагал Вл. Соловьев. Я внимательно -- насколько это возможно -- отношусь к снам. Записываю сны. Вот одна из таких записей: монастырь в пещерах, жертвенно-красный цвет (почему-то такой эпитет пришел в голову), станки для обработки драгоценных камней, пустынно и заброшенно, причем оставлено внезапно, в разгар работы, и все -- в полете, все -- над, все -- в мгновение ока...

У меня неизъяснимо теплеет на сердце и при виде скромного русского пейзажа: купол сельской церкви, березовый колок в осеннем наряде, листья в пруду, и когда я читаю стихи китайских поэтов. Я русский, насквозь русский, но как же притягателен для меня каждый китайский иероглиф, каждая буква тибетского алфавита. Во всем есть свой смысл, и буквы -- не только составляющие слов, но и тайные знаки Неба. Я интуитивно чувствую, что я -- оттуда, что когда-то я жил в тех краях, которые сегодня так манят меня. Мы все -- оттуда. (Даже в языке нашем много слов из древнеиндийского языка санскрита, как полагают ученые -- праязыка).

"Время, когда улыбается лотос" -- это буквальный перевод слова "ночь" на тибетском языке. Лотос -- сама чистота и нежность являет себя миру во всем великолепии ночью, при свете луны: "лунный свет" по-тибетски буквально переводится как "благоприятствующий лотосу", солнце же -- как "враг лотоса". Большинство цветов раскрывается только при солнечном свете, а самый чистый и нежный цветок -- ночью, почему, в чем смысл ночи, тьмы, темного, безобразного, грязного, всего, что у "ас со знаком минус, а значит, и страдания. "Солнца нет без тени и необходимо познать ночь" -- это слова А. Камю, французского писателя и философа, который, как и многие писатели на Западе, немало думал и писал о Достоевском. Федор Михайлович "познал" ночь на эшафоте на Семеновском плацу, когда на петербургского литератора надели черный мешок, и смерть уже было коснулась его своим леденящим крылом. Но казнь отменили...

Некоторые страницы "Записок из подполья" суть иллюстрации к главам древних китайских трактатов "Дао дэ цзин" и "Чжуан-цзы", которые, как известно, написаны еще до нашей эры...

"Да-с, умный человек девятнадцатого столетия должен и нравственно обязан быть существом по преимуществу бесхарактерным; человек же с характером, деятель,-- существом по преимуществу ограниченным", "...прямой, законный, непосредственный плод сознания -- это инерция, то есть сознательное сложа-руки-сиденье", -- говорит автор записок, он же -- Федор Достоевский. А вот выписки из "Дао дэ цзина": "...совершенномудрый, совершая дело, предпочитает недеяние", "...дао постоянно осуществляет недеяние, однако нет ничего такого, что бы оно не делало", "...овладение Поднебесной всегда осуществляется посредством недеяния". К слову, та же мысль звучит в стихотворении Бо-цзюй-и "Днем лежу в постели": "...Кто знает о том, что весь день я лежу? Я вовсе не болен, и спать мне не хочется тоже". (Ну не иллюстрация ли к гончаровскому "Обломову"!)

Так что же за штука такая -- недеяние (у древних китайцев), обломовщина (у Гончарова), толстовское непротивление, сложа-руки-сиденье у Достоевского? Почему философы, разделенные многими веками (а есть ли оно -- это разделение? В "Чжуан-цзы" сказано: "Настоящее и прошлое -- это одно и то же"), так настойчиво призывают человечество встать на путь недеяния?

Еще несколько соответствий из романа писателя-философа XIX века и китайских трактатов. "Я бы все на свете обратил в прекрасное и высокое тогда, в гадчайшей бесспорной дряни отыскал бы прекрасное и высокое". ("Записки из подполья"), "Это были те, которые, соблюдая спокойствие, умели грязное сделать чистым" ("Дао дэ цзин"), "Я человек больной... Я не лечусь и никогда не лечился..." ("Записки из подполья"), "Кто будучи больным, считает себя больным, тот не является больным. Совершенномудрый не болен" ("Дао дэ цзин").

Ищущий смысл из всего извлекает пользу -- как из радости, так и из страдания, даже болезнь для него становится -- как это ни парадоксально -- радостью, наслаждением: "...горечь обращалась, наконец, в какую-то позорную, проклятую сладость и, наконец, в решительное серьезное наслаждение"; болезнь для